

ПРАВО КАК ЦЕННОСТЬ

© 2010 г. В.Н. Жуков¹

Право как религиозная ценность. В христианской мысли (возьмем ее в качестве примера) существуют две крайние точки зрения на право. Для первой характерно резкое противопоставление права и религии, “Закона и Благодати”, для второй – стремление объединить право и “Божью благодать”. В зависимости от избранной позиции право приобретает либо негативную, либо позитивную ценность.

Противопоставление права и религии наиболее ярко представлено в эсхатологическом христианстве, в частности в русском православии. Так, еще митрополит Иларион в своем сочинении “Слово о Законе и Благодати” (XI в.), отдавая должное мирским законам, подчеркивает их подчиненный по отношению к Богу характер. Автор не просто указывает на первичность, приоритетность религиозной нормы перед правовой, но говорит о праве как о проявлении греха, представляет право как результат отпадения человека от Бога. Здесь право предстает как относительная ценность, бесконечно далеко отстоящая от ценности абсолютной, т.е. Бога. Такой подход призван, по логике автора, рельефно оттенить все несовершенство права как земного института перед абсолютным совершенством Бога.

Тенденция девальвации права набирает полную силу в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX вв. (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, С.Л. Франк). Так, согласно Н.А. Бердяеву, право вносит в христианское сознание глубокий парадокс, неразрешимую антиномию: вырастая из греха, право вместе с тем несёт добро и борется с грехом. Обличая грех и борясь с ним, право само является проявлением греха, несёт на себе его тяжёлое наследие. Право ограничивает зло, но не в силах его победить, обнаруживая тем самым бессилие добра, не знающего “Божьей благодати”. Более того, в борьбе со злом право само легко становится злом. Правовое сознание христиан изначально трагично, так как право, ставя своей целью защитить добро, бессильно победить зло. Христиан-

ский мир, отмечает философ, живёт двойственной жизнью: по закону и по благодати. Трагизм такого положения состоит в том, что “Закон и Благодать”, право и религия не могут и не должны сойтись. Если право поднять до уровня религиозного откровения, право лишится своего важнейшего качества – принудительности, т.е. перестанет выполнять функции, необходимые земному, грешному миру. Если религиозные заповеди низвести до уровня права, из религии уйдёт дух откровения, а сами религиозные нормы превратятся в систему насилия. В законе проявляется богооставленность человека, в благодати – богообщение; в законе добро откалывается от бытия, благодать соединяет добро и бытие; в основе закона лежит отвлечённая идея добра, в основе благодати – любовь к конкретному человеку; закон олицетворяет собой рабство человека, его зависимость от природной необходимости, благодать делает человека свободным². Этика благодати часто кажется абсурдной по отношению к этике закона (“Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас”). “Закон, судящий грешников и злых, – полагает Бердяев, – оказывается пригодным лишь для обыкновенных, обыденных случаев, пока сердца людей холодные и застывшие. Но для необыкновенных, катастрофических положений жизни, когда только и раскрывается и глубина жизни, закон оказывается совершенно неприменимым и суд его ничтожным”³. Настоящая жизнь, делает вывод Бердяев, лежит по ту сторону закона. Очевидно, что общая тенденция его рассуждений – стремление снизить ценность права.

Ту же линию продолжает и Б.П. Вышеславцев. Закон, полагает он, – святыня всего античного мира. Наиболее ярко это проявилось в греко-римской культуре, основными святынями которой были государство, совершенное законодательство, справедливость. Несколько иначе дело обстоит с древними евреями. У них, так же как у греков и римлян, закон был высшей ценностью. Центральное понятие ветхозаветной философии

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук.

² См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 101–102.

³ Там же. С. 107.

права – “завет”, что означает “договор, “союз”, заключённый между Богом и народом. Заключив договор с Богом, древние евреи, как позднее и американские колонисты, положили в основу социального устройства и общественных связей правоотношение, т.е. господство земного закона. Вместо богообщения еврейский народ получил “общественный договор”, поставив на место Бога юриспруденцию. Но вместе с тем в жизни древних евреев всегда ощущалось “подпочвенное мистическое течение”, поиск благодати; они несли в своей душе трагическое противоречие “Закона и Благодати”. В Новом Завете мы наблюдаем уничтожение договорного начала, господство закона перестаёт быть высшим принципом жизни. Царство Божие метаюридично, договорные отношения с абсолютными ценностями исключены. Подлинное богообщение основано на благодати. В конечном счёте, заключает Вышеславцев, антиномия “Закона и Благодати” перерастает в антиномию общества и государства, с одной стороны, и церкви – с другой⁴.

Постулируемая Вышеславцевым контрастная полярность “Закона и Благодати” приводит к радикальному снижению ценности закона за счёт максимального возвышения ценности благодати. Русский юрист указывает на высказывание Христа, что «законом спастись нельзя: праведность от закона, праведность “книжников и фарисеев” затворяет вход в Царство Божие. А если бы можно было спастись законом, то Спаситель был бы не нужен»⁵. Закон “всегда есть преграда между людьми и преграда между Богом и человеком”. Господство закона исключает построение “истинно-сердечных” взаимоотношений любви, взаимоотношений Богосыновства, которое спасает человека и создаёт Царство Божие сначала “внутри нас”, а затем и везде. Вышеславцев приводит целый ряд отрицательных определений закона, даваемых в Новом Завете: «Закон – “не без недостатка”, он “ничего не доводит до совершенства”, им нельзя оправдаться, он – “служение осуждения”, “ветхая буква”, “ветхая одежда”, “ветхие мехи”, “ветшающее и стареющее, близкое к уничтожению”; он есть “заповедь и предание человеческое”, надежда на плоть, суеверие, “тщета”, “сор”, “заднее”, “покрывало на сердце”, рабство, “смертоносная буква”, он “производит гнев”, разделяет людей, “отчуждает”, воздвигает “преграду”, создаёт “вражду”. Наконец, Христос “разрушает” эту преграду закона; устанавлива-

ется, что закон есть “заповедь, отменяющаяся по причине её немощи и бесполезности”; а потому: “горе вам, законники”»⁶.

Закон, по Вышеславцеву, строит общественные связи как отношения власти и подвластных, господина и раба, “Божья благодать” ведёт к любви и дружбе между всеми. Закон разделяет людей на “чистых” и “нечистых”, создавая тем самым юридический, а значит, ложный в своей основе критерий человеческого превосходства. Закон есть прежде всего норма внешнего поведения, получившая санкцию со стороны религии и ставшей “заповедью человеческой”, “преданием человеческим”. Поскольку закон отражает несовершенство человека, соответствует его падшей греховной природе, постольку он не в состоянии быть ориентиром человеческого бытия. Законотворчество – это творческий акт человеческой природы, которая изначально грешна, а значит, грешно и законодательство. Положительное право, безуспешно стремясь воплотить в себе идею божественной справедливости, склонно подменять заповедь Божью “заповедями человеческими”. Духовная жизнь человека протекает мимо закона, он не обладает высшей творческой силой, способной поселить в сердце человека любовь, мир и благодать. А если благодать есть, закон не нужен. Закон не является причиной добра или зла, он выступает лишь мотивом, поводом для совершения греха. Однако это не снимает ответственности с закона, так как служить поводом для греха есть большой грех.

Несовершенство закона, делает вывод Вышеславцев, даёт право человеку нарушать его. Христос, рассуждает он, показал, что абсолютное соблюдение закона может противоречить любви, стать причиной высшей несправедливости и потому Сам со своими учениками постоянно нарушал закон. Так, Христос нарушал абсолютный запрет что-либо делать в субботу, так как в этом случае Он лишился бы возможности совершать в этот день добро (“не человек для субботы, а суббота для человека”). Но Христос нарушал закон не во имя беззакония, а во имя любви. Вера в Бога, ожидание Царства Божия должно стать высшей инстанцией, единственным критерием, позволяющим человеку решать вопрос о целесообразности нарушения закона. Вера в Бога, “независимая от закона и стоящая вне закона”, ставит человека выше закона, делает его господином закона. Закон может быть нарушен, если он сдерживает творческое движение человека к Богу, если раз-

⁴ См.: *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 33–34.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же. С. 27.

вивающаяся в религиозном направлении жизнь оказывается под угрозой уничтожения со стороны “мёртвой буквы” закона⁷.

Такой негативизм объективно имел, как минимум, два следствия. Во-первых, разведя на разные полюса право и Бога, эсхатологическое христианство подготовило условия для реалистического понимания права. В религиозной форме здесь вскрывается уже не мнимая, а реальная природа права. Можно спорить о том, что источником права является акт грехопадения (в конечном счёте это вопрос веры), но очевидной представляется связь права с несовершенством человеческой природы. Право в значительной мере есть отражение деструктивных проявлений человека, социальных конфликтов. Право – это в определённом смысле “тень” (если использовать терминологию К.Г. Юнга), которую отбрасывает человечество своей худшей стороной. Что такое, например, Уголовный кодекс, как не концентрированное описание социального зла, на которое способен человек? В известном смысле право только фиксирует деструктивное поведение людей.

Во-вторых, эсхатологическое христианство, снижая ценность права, делало тем самым прививку против неоправданного его возвеличивания в будущем, например в условиях буржуазного общества, где право нередко становится фетишем, предметом поклонения, а ценности религии и морали уходят на задний план. Бердяев и Выше-славцев верно отметили, что возможности права не следует преувеличивать, не эффективно и даже вредно пытаться возлагать на право всеобъемлющие регулятивные функции. В условиях же современного общества, где государство все более и более доминирует, право не может и не должно пытаться регулировать все сегменты социальной жизни.

Вторая позиция в христианстве сводится к стремлению максимально сблизить право и религию, что, в частности, нашло отражение в работах русских религиозных философов Е.В. Спекторского и И.А. Ильина. Так, Спекторский выступает за формирование “подлинно христианского” правосознания, отстаивает идею создания “христианского права”. С его точки зрения, христианское правопонимание отличает полное совпадение права, религии и нравственности: у христианской философии “нет двойной мерки, внешней для права и внутренней для нравственности... Она не различает моральности и легальности.

Не согласна она видеть, вместе с Еллинеком, в праве только минимум этики. Она, напротив, стремится к её максимуму. Она ищет правды единой и неделимой. И она полагает, что где правда, там и свет...”⁸.

Философ полагает, что у истоков права лежит религия, право вырастает из религиозного чувства. Религиозный страх дикаря устанавливает первичные табу, которые затем становятся правом. Религиозное сознание, отмечает Спекторский, формировало стереотипы правового восприятия общественных отношений. Во многих языческих религиях (в частности, у римлян) отношения между человеком и Богом понимались как договорные, как двусторонние обязательства. В этом случае жрецы выступали (в зависимости от специфики религиозного обряда) в роли консультанта, эксперта или нотариуса, свидетельствуя или подтверждая правильность заключения (исполнения) юридической сделки с Богом. В религии иудаизма весь Ветхий Завет (“завет” – это и есть договор) понимается как закон, как сакральная юриспруденция⁹. Но подлинное представление о праве, утверждает Спекторский, даёт только Новый Завет, “только Иисус Христос предложил законченную философию права”. Философ, пытаясь доказать, что право и христианская религия – вещи вполне совместимые, апеллирует к поведению Христа: когда Христос говорит, что Он пришёл в мир не нарушить закон, а исполнить, это, между прочим, имело и тот смысл, по Спекторскому, что Он не явился специально бороться с тогдашним правопорядком и что Он, нисколько не стремясь укрепить его, считался с ним и даже подчинялся ему, когда это было неизбежно. Христос через учеников совершал акты купли, не избегал суда, не склонял других к уклонению от уплаты податей кесарю, с торговлей боролся только в храме Божию, не отвергал собственности, упоминал разные её виды, высказывался о формальной системе доказательств, занимался толкованием действующего права. Притчи и беседы Христа с учениками насыщены примерами из юридической практики (купля-продажа, раздел имущества, наём услуг, управление домом, аренда виноградника, правоотношения между господином и рабом, кредитные операции, управление имуществом по доверенности)¹⁰.

Спекторский выступает за максимальное сближение частного и публичного права в “единое

⁸ Спекторский Е.В. Христианство и культура. Прага, 1925. С. 212.

⁹ См.: там же. С. 205.

¹⁰ См.: там же. С. 211.

⁷ См.: там же. С. 21.

христианское социальное право”, что, по его мнению, должно устранить противоречия между людьми как собственниками и между человеком и государством. Это достигается, с одной стороны, ограничением индивидуализма и частного интереса отдельных лиц, а с другой – наращиванием социальных функций государства, превращением государства в общественную службу, а это уже напоминает тоталитарную модель.

По Ильину, основная ценность права состоит в том, что оно предлагает человеку единственно верный путь достичь одухотворённой, нравственной и религиозной жизни, что оно выступает в качестве “могучего” воспитательного средства личности. Задача права, полагает он, состоит не только и не столько в том, чтобы регулировать внешнюю сторону жизни людей, сколько в том, чтобы формировать в их душах стремление двигаться навстречу Богу, создавать мотивацию для подлинно христианского поведения.

И Спекторский, и Ильин практически предложили популярную (особенно в XIX – начале XX вв.) в православии идею “воцерковления культуры”, согласно которой все социальные проблемы должны решаться на пути подчинения общества, государства и права религии и церкви. В контексте идеи “воцерковления” хотя и признаётся ценность права, его неизбежность в социальном мире, но фактически право здесь лишается его реальной значимости. Возведение в ранг права христианских заповедей не столько приблизит человека к Богу, сколько лишит его свободы. Право в этом случае становится не гарантом свободы, а системой узаконенного насилия.

Право как этическая ценность. Главная тема этики, важнейшая проблема этического сознания – смысл и цели человеческого существования. Право, оцениваемое с данной точки зрения, в разные исторические периоды воспринималось по-разному.

В Древнем мире и Средние века этический смысл права в основном сводился к его прикладной, инструментальной функции. Право возникает на стадии разложения первобытной общины, когда появляется государство и у него возникает потребность в эффективном средстве навязывания своей воли подвластному населению. Если в условиях первобытной общины нормативно-регулятивная система была слабо дифференцированной, то в процессе становления публичной политической власти социальные регуляторы начинают достаточно рельефно обособляться. Дифференциация сфер общественной жизни повлекла за собой обособление религии, морали и права в

относительно автономные образования: религия отошла к компетенции жрецов, право – к компетенции государства, мораль стала достоянием всего общества. Следует подчеркнуть, что правом становились те социальные регуляторы, которые власть считала важнейшими в деле поддержания единого централизованного порядка. Архаичное право было тем средством, при помощи которого племя (союз племен) в лице государства боролось за физическое выживание. С помощью правовых санкций власть защищала жизненно важные, основополагающие материальные и духовные блага племени. Иначе говоря, ценность права на ранних этапах его существования определялась отнюдь не религией или моралью, а теми благами, которые имели важнейшее значение для выживания и жизнедеятельности общества. В этом смысле архаическое право имело собственную ценность, состоявшую в поддержании физического выживания племени. Право оказалось наиболее эффективным средством организации ресурсов ранних политических образований.

Древнее право было по большей части словесным и правом сильного, о чем, в частности, свидетельствуют наличие рабства, закабаленного крестьянства, приниженное положение женщин и детей. С точки зрения этической древнее право являло собой неприкрытый агрессивный животный эгоизм человека, который стремился выжить за счет порабощения другого человека. Так, даже греко-римская культура, давшая образцы высокой духовности, в понимании личности осталась не просто ограниченной, но убогой, нравственно ущербной. Держать на положении скота себе подобного, видеть в личности, в нравственном и разумном существе “говорящее орудие” (Аристотель) фактически означало только одно – самому находиться на уровне скота.

Вместе с тем внутри господствующего класса древнее право отражало стремление установить между людьми в той или иной степени равенство, свободу и справедливость, т.е. отношения, отвечающие представлениям личности о собственном достоинстве. При этом надо понимать, что ведущий мотив древнего права – вовсе не защита нравственного достоинства личности, а необходимость установления порядка и безопасности, в чем было заинтересовано либо все общество, либо его большинство. Древнее право было направлено на защиту ценностей рода, племени, но не личности. Например, запрет на несанкционированное убийство, на кровную месть имел целью не столько защиту личности, сколько достижение общественного спокойствия и стабиль-

ности, “замиренной среды” (М.М. Ковалевский), необходимой для нормальной жизни власти и подвластных.

Специфическая черта древнего права – крайняя жестокость (пытки, членовредительские наказания, мучительные способы смертной казни). Вот, например, приговор суда по делу о якобы государственной измене Томаса Мора, вынесенный в 1535 г. на родине правового государства, в просвещенной Англии: “Вернуть его при содействии констебля... в Тауэр. Оттуда влечь по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы замучить до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, оскотить, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонском мосту”¹¹.

Если применить метод психоанализа, то крайнюю жестокость древнего права можно объяснить крайней агрессивностью, крайним анархизмом подвластного населения. Право – один из способов подавления первичных влечений индивида, с его помощью коллектив подчиняет поведение человека своим интересам. Зависимость здесь такая: чем сильнее инстинкты людей, тем жестче должен быть механизм их подавления. И наоборот: чем сильнее право давит на людей, ограничивая их возможности в удовлетворении своих инстинктов, тем более активную агрессию это вызывает. Но природа инстинктов такова, что их нельзя подавлять полностью, в противном случае неминуем социальный взрыв в виде разного рода бунтов и беспорядков. В данном контексте история права предстает как поиск баланса между силой репрессий и силой инстинктов. Доминирующий мотив на всем протяжении развития права – устрашение, благодаря которому только и оказывалось возможным достижение стабильного правопорядка. Поэтому правильным будет вывод, что в основе права Древнего мира и средневековья лежала этика страха. Этический смысл архаичного права состоял в том, чтобы с помощью страха социализировать массы, привить им стойкие навыки автоматического подчинения власти. К XIX–XX вв. (да и то в основном в странах Запада) наказания смягчаются, но данный факт, конечно, не говорит об утрате правом функции устрашения.

Наиболее распространенная форма древнего права – обычай. Как правильно отмечали создате-

ли исторической школы права (Г. Гуго, Ф.К. Савиньи, Г.Ф. Пухта), сильная сторона обычая как источника права состояла в том, что он представлял собой органическую часть национальной культуры. Возникнув спонтанно, стихийно, в рамках автономно существующей социальной группы, обычай становился не просто нормой поведения людей, но способом их жизни. Обычное право играло роль той культурной среды, без которой жизнь человека лишалась привычного содержания. Правовой обычай, опираясь на традицию, олицетворял собой связь поколений, формировал историческое сознание этноса – основы национального государства. Правовой обычай социализировал личность, приобщал ее к принятым в данном сообществе формам жизни, в более широком понимании – к его базовым ценностям. Этический смысл обычного права раскрывался в сохранении и аккумулировании ценностей этноса.

Роль и значение обычного права наглядно проявились при переходе европейских обществ от феодализма к капитализму. В условиях создания централизованного государства, образования единого национального рынка, при переходе правотворческой функции к парламенту и исполнительной власти обычное право повсеместно разрушалось, уступая место нормативному акту и юридическому прецеденту. В исторической ретроспективе с формально-логической точки зрения все выглядело вроде бы естественно и довольно гладко: более перспективные источники права сменяли косные, отсталые и ограниченные в своих возможностях источники. Однако если посмотреть на данный процесс глазами, например, французского или немецкого крестьянина, то отмирание обычного права означало для него разрушение его внутреннего мира, векового патриархального уклада, в котором он находил смысл своего существования. Снижение роли обычного права знаменовало собой разрыв с традиционными ценностями средневекового общества и переход к новым ценностям индустриальной буржуазной культуры.

Буржуазное право несло с собой новый этический смысл, заключавшийся в утверждении свободы, равенства и справедливости. Документы буржуазных революций закрепляли политические и личные права и свободы граждан, устанавливали формально равное для всех право. Пришедшая к власти буржуазия ставила перед собой цель защитить с помощью права рыночную экономику, частную собственность и парламентаризм. Иными словами, буржуазное право стало следствием экономического и политического развития Евро-

¹¹ Мор Т. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1998. С. 315.

пы по пути капитализма и либерализма. В основе этого процесса лежал индивидуализм – фундаментальное качество сознания и психологии западного европейца и всей западной культуры (в том числе правовой). Благодаря индивидуализму человек воспринимал себя как уникальную ценность со своими интересами и потребностями, противостоящими общественным интересам. Естественным следствием индивидуализма стал гуманизм – нравственный принцип, согласно которому человек есть ценность, деятельное, творческое существо, нуждающееся в наиболее полном удовлетворении своих потребностей и интересов и реализации своих способностей. С точки зрения буржуа, основная цель права новой капиталистической эпохи – создание комфортной социальной среды, где человек мог бы чувствовать себя свободным, защищенным от произвола власти и имеющим возможность реализовывать себя как личность. Буржуазное право в значительной мере достигало этой цели, хотя гуманизм его был ограниченным. При формальном понимании свободы и равенства (что, конечно, служило делу обеспечения самооценности личности) буржуазное право не давало никаких гарантий эксплуатируемым слоям населения перед стихией рынка, зачастую обрекая их на голодную смерть. Позднее, с последней трети XIX в., гуманизм буржуазного права начинает дополняться социалистическим содержанием: формируется социальное законодательство, защищавшее материальную сторону жизни наемных работников.

Несмотря на очевидное гуманистическое содержание буржуазного права, в XIX – первой половине XX вв. оно становится объектом интенсивной критики со стороны именно гуманистически настроенных авторов. Так, К. Маркс считал серьезным изъяном буржуазного права его подчеркнутый формализм. Казалось бы, право при капитализме, сломав сословные и другие перегородки и сделав людей равными, помогало утверждать в человеке чувство собственного достоинства. Вместе с тем Маркс верно указывал на тот факт, что формальное равенство, т.е. применение “равного масштаба к неравным людям”, на деле обесценивает, обезличивает человека, лишает его индивидуальных черт.

С позиции персонализма и экзистенциализма Н.А. Бердяев (испытывший, кстати, влияние марксизма) развивает тему, затронутую Марксом: буржуазное право есть воплощённое, концентрированное господство общества над личностью, оно – проявление “социальной обыденности”, где личная совесть заменяется общественной

моралью, а творческие силы человека ограничиваются рабским подчинением государству. Формализм и абстрактность права исключают конкретную живую личность. Право не в состоянии проникнуть в глубины нравственной жизни человека. Оно равнодушно к индивидуальной человеческой судьбе и в этом смысле глубоко безнравственно и бесчеловечно. Право вырастает на почве интересов больших и малых социальных групп. Оно выражает этику семьи, рода, клана, сословия, нации, государства, но никак не личности. Право стоит на страже абстрактного добра и абстрактной справедливости. В борьбе со злом оно защищает абстрактного человека и социально значимые ценности, а не конкретную человеческую индивидуальность. Лежащий в основе права абстрактный морализм стремится сделать из человека “автомат добродетели”, т.е. право фактически нивелирует человека, заставляя его служить абстрактному добру¹².

Во второй половине XX в. понимание права теснейшим образом связывается с гуманизмом: принимаются многочисленные международно-правовые акты, посвященные гуманитарным вопросам, государства считают своей обязанностью включать в конституции разделы о правах человека. Общепринятым становится мнение, что национальное и международное право должно быть наполнено гуманистическим содержанием, должно создавать условия для всестороннего совершенствования личности. Глядя на гигантский массив всего этого современного законодательства, можно подумать, что мы имеем дело с правовой культурой, принципиально отличной от правовой культуры Древнего мира и средневековья, что нравственность современных людей принципиально изменилась, создав основу для создания права с гуманистическим содержанием. Либерально настроенные юристы и философы с последней трети XIX в. начали говорить о праве как о “минимуме нравственности” (Г. Еллинек, В.С. Соловьев), указывая тем самым на невозможность существования безнравственного права. В XX в. тенденция увязывать право с нравственностью, гуманизмом только усилилась.

Действительно, различия между древним и современным правом заметны: современное право (особенно в странах Запада) максимально дифференцировано, индивидуализировано, направлено на утверждение принципов свободы, равенства, справедливости, демократизма, законности и гу-

¹² См.: Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 91–92.

манизма. Вместе с тем надо отдавать себе отчет в том, что эти различия носят по преимуществу внешний характер и определяются следующими причинами. Во-первых, современная западная правовая культура возникла на базе мощной индустрии, невиданного ранее уровня развития производительных сил, способных обеспечить высокий уровень жизни основной части общества. Социальное государство, появившееся примерно с 1970-х годов, вполне может себе позволить бесплатно кормить тысячи и миллионы своих граждан и эмигрантов без риска ослабления своей власти. Во-вторых, в XX в. государства достигают огромной, ранее небывалой силы. С помощью своего военного и полицейского аппарата они установили всесторонний и эффективный контроль над обществом, подавляя в зародыше всякую антигосударственную деятельность. В-третьих, за последние несколько сот лет государство, все более подчиняя себе человека, сформировало у него, наконец, достаточно стойкую привычку к автоматическому послушанию.

Но представляется очевидным, что, например, в случае новой большой войны, в условиях резкого снижения уровня материальных ресурсов и реальной угрозы разрушения государства современное гуманистическое право очень быстро приобретет старый драконовский вид с его упрощенным процессом и устрашающими наказаниями. Дело в том, что человек за последние тысячи или сотни лет в нравственном отношении лучше не стал, просто условия жизни современного человека (в том числе человека современной западной культуры) значительно улучшились. Как только условия его жизни резко снижаются, он перестает соблюдать право, стремясь удовлетворить свой эгоизм другими, незаконными способами. Как верно заметил К.Г. Юнг, под личиной так называемого современного цивилизованного человека кроется нравственность дикаря, готового на любое преступление ради удовлетворения своих интересов. Массовая преступность во всех странах мира – прямое тому подтверждение.

Часто можно слышать такое мнение: гуманизм современного европейского права заключается, в частности, в том, что оно сумело поставить заслон национализму, фашизму и религиозному экстремизму. Так, в Германии, пережившей национал-социализм, принято очень жесткое законодательство против антисемитизма и фашизма, что представляется абсолютно правильной мерой. Однако следует осознать простую, но тяжелую истину: антифашистское законодательство

необходимо в современной Европе потому, что неонацистские настроения в ней сильны и готовы прорваться наружу при малейшем ослаблении прессинга со стороны права. Запрет на откровенную публичную дискуссию о межнациональных и межрелигиозных отношениях в современных странах Запада означает только одно: страх перед национализмом и религиозным экстремизмом, которым переполнены народы мира. Правящий класс пугает мысль, что обсуждение этих проблем только обострит межнациональные и межрелигиозные конфликты, спровоцирует волну стихийного неконтролируемого насилия. Зависимость здесь такая: чем сильнее экстремистские настроения, тем строже будет законодательство, жесткость законов отражает силу экстремизма.

Таким образом, можно констатировать, что современное гуманитарное право вызвано к жизни не только заботой о человеке (т.е. о его высокой нравственности), но также наличием сил, готовых этого человека поработить или уничтожить. Агрессивные инстинкты масс – обратная, теневая сторона современного гуманитарного права. Его этический смысл состоит в том, чтобы заблокировать деструктивную природу человека, защитив его от его самого. В этом отношении современное право мало чем отличается от древнего права, их природа едина – асоциальные человеческие инстинкты. Этический смысл современного права состоит не в том, что оно – “минимум нравственности”, но в том, что право (вполне автономно от морали) так же, как и в древности, заставляет человека выполнять требования коллектива, заставляет его быть социальным существом.

Право как юридическая ценность. Юридо-аксиологический подход к праву означает обоснование ценности права в границах права, с точки зрения права, исходя из самого права. Понять ценность права, оставаясь на строго формальных позициях, вне его связи с экономикой, политикой, религией или моралью, может показаться задачей, лежащей исключительно в сфере схоластики, формально-логических умозаключений. Кому-то может показаться, что выявление юридической природы права – задача бессодержательная, оторванная от жизни и потому чреватая заблуждениями и созданием псевдонаучных миражей. Примерно такие претензии предъявляли марксистские юристы Г. Кельзену – основателю “чистого” учения о праве, т.е. теории, полностью очищенной от неюридических компонентов (политологии, идеологии, метафизики, социологии,

психологии, этики). С точки зрения австрийского юриста, природа права (и одновременно его ценность) заключается в его нормативности, принудительности. Норма, полагал он, принадлежит к сверхэмпирическому, умопостигаемому миру должного и, соприкасаясь с миром сущего, сферой реальных человеческих отношений, вносит в них упорядоченность.

В данной позиции чувствуется кантианская традиция (делить реальность на должное и сущее, подчиняя одно другому), с которой можно спорить. Вместе с тем идея Кельзена о нормативной природе права (если понимать право в формальном смысле) абсолютно верна. В формальном отношении природа права – норма, а его главная ценность – внесение нормативности в поведение людей. В материальном смысле под природой права можно понимать (в зависимости от избранной методологии и эвристических целей) религию, мораль, экономику, политику и другие сферы практической деятельности человека, но суть права как формальной ценности – всегда норма.

Сознание человека, обращаясь к окружающему миру, пытается понять его, выявить связи между его составными частями и таким способом внести в него смысл и упорядоченность. Ценностное сознание играет более специализированную роль: оно направлено на выявление отношения человека к тем или иным объектам реальности. Право в качестве субъектной ценности выступает в роли присущего сознанию императива – критерия, которым меряются общественные отношения. Посредством правового ценностного сознания человек смотрит на социальный мир, ценностью права человек меряет ценность жизни и ее проявлений, в том числе само право. Рассмотрение права через призму правового ценностного сознания позволяет выявить его юридическую ценность.

Право как формальная ценность имеет, как минимум, три измерения:

- 1) право как норма сознания;
- 2) право как норма поведения;
- 3) право как норма позитивного права.

1. Понимание права как нормы сознания широко распространено в различных вариантах естественно-правовой школы Нового времени. Наиболее полную разработку данный подход получил в русле кантианства, особенно у неокантианцев Баденской школы. Один из базовых постулатов кантианства – совпадение сознания, нравственности и естественного права. С точки

зрения Канта, нравственность (по его терминологии – “моральный закон”) априорна, имеет автономный, формальный и абсолютный характер. Априорность нравственности означает, что она является свойством, атрибутом сознания, одной из его врожденных форм. Нравственность автономна, т.е. не зависит от условий жизни человека. Автономность морального закона проявляется, в частности, в делении поступков на легальные (объективно соответствуют нравственным законам, но субъективно мотивированы чем-то иным) и моральные (совершаются только в целях исполнения морального закона). Нравственность проявляется в идее должного, предстающей в виде максимально формализованного категорического императива. И наконец, абсолютность морального закона состоит в том, что он обладает высшей этической ценностью, выступает критерием поведения людей.

Категорический императив – этическое правило, но применительно к политической жизни приобретает форму естественного права. Одно из определений категорического императива гласит: “Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом”¹³. И далее Кант уточняет: “Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом природы”¹⁴. В данном случае предпринимается попытка повысить статус разума за счет апеллирования к его природности, естественности. Иначе говоря, законы разума – это и есть законы природы, которые человек обязан выполнять. В этом смысле естественное право – такой же атрибут сознания, как нравственность, а лучше сказать – нравственность и естественное право, по Канту, представляют собой двуединую форму индивидуального сознания.

При всей теоретической слабости естественно-правовой конструкции (это все-таки больше идеология, чем научная теория) за ней стоит некоторая правда жизни, некий здравый смысл. Кантианцы верно указали на тот факт, что многие основополагающие, базовые ценности человек воспринимает как норму, изначально данную его сознанию. Так, ощущение собственной самооценности, ценности свободы, равенства, справедливости, порядка, безопасности дается человеку в качестве самоочевидного факта сознания, в виде некоей нормы должных социальных отношений. Нормы естественного права как раз и являются

¹³ Кант И. Соч. В 6-ти т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 260.

¹⁴ Там же. С. 261.

теми императивами, которые одновременно и регулируют социальную жизнь, и задают ценностное к ней отношение. Отсюда вытекают такие важные функции естественного права, как формирование политического идеала и критика реально функционирующего государства и законодательства. При этом следует подчеркнуть, что юридико-нравственные нормы не просто пассивно существуют в сознании индивида, не просто играют роль нравственного судьи политико-правовой действительности, но активно создают новую действительность. Норма, ставшая фактом сознания большинства членов общества, превращается в эмпирический факт социальной жизни.

2. Понимание права как нормы поведения – важная особенность социолого-правовых и психологических теорий, возникших в последней трети XIX в. и имевших заметное влияние в XX столетии в странах Запада и России.

Основные идеи социологической школы права сводятся к нескольким тезисам: субъектом правотворчества не обязательно является государство, право вполне может возникать и существовать независимо от государства, основным источником права выступает общество в лице его институтов, но отнюдь не государство. С точки зрения здравого смысла данные утверждения могут показаться нелепыми, так как и наш житейский опыт, и история права говорят об обратном: правом фактически являются такие нормы, которые государство устанавливает как свой приказ и за нарушение которых оно карает.

Однако если к процессу образования и функционирования права присмотреться более внимательно, то картина предстает несколько иная.

Право – это феномен, существующий в конкретном-исторической культурной среде в тесной связи с антропологическими свойствами человека (сознанием, волей, психологией) и различными сторонами его практической деятельности (экономикой, политикой, религией, моралью, обычаями). Связь права с государством – только одна из граней существования права. Эффективность функционирования права зависит не только от его связи с государством, но также от многих других факторов, например от устоявшихся стереотипов человеческого поведения. Как правильно показал Л.И. Петражицкий, право – это во многом психологический феномен. Оно есть эмоциональное переживание лицом своей обязанности и своего правомочия. С его точки зрения, право делится на позитивное (объективно выраженные источники права) и интуитивное (правовые эмоции), официальное (признанное и охраняемое государством)

и неофициальное (государством не признанное и не охраняемое). Ведущую роль играет интуитивное право, так как оно, по логике Петражицкого, вырастая непосредственно из психологии людей, более всего соответствует их поведенческому стереотипу. Интуитивное право не навязано человеку какой-то внешней силой, но выражает его собственные представления о норме поведения, что придает интуитивному праву высокую эффективность. Интуитивное право не имеет фиксированных норм, выстраивается в зависимости от ситуации. Оно мобильно, способно быстро реагировать на меняющиеся условия, не имеет ограничений по предмету правового регулирования, месту, времени, лицам. В силу указанных свойств интуитивное право регулирует основной массив общественных отношений и является основой правопорядка.

Л.И. Петражицкий прав в том, что, пока юридическая норма не станет стереотипом поведения крупных социальных групп, право функционировать не будет. Государство может принимать любые необходимые ему нормативно-правовые акты, рассчитывая на их позитивный эффект, но пока заложенные в них нормы не станут частью психологии людей, работать они не начнут. Здесь государство всегда упирается в границы своей власти. Примеров можно привести множество. Так, русская история, как верно отмечали славянофилы, развивалась в виде двух параллельных линий: истории государства и истории народа (в основном крестьянства). Чиновничья, военно-бюрократическая Россия жила по своим законам, народ – по своим. Официальное законодательство, воспринимаемое многомиллионным крестьянством как “дело антихриста”, как “печать сатаны”, как бы повисало в воздухе, постоянно давая холостые обороты, – исполнять законы было некому. Похожая ситуация сложилась в современной постсоветской, либеральной России, конституция которой бесконечно удалена от реальной жизни. Конституционные принципы демократии, разделения властей, независимости суда, высшей ценности прав и свобод человека – просто красивые фразы, не имеющие связи с реальностью. Другой пример – народы Северного Кавказа, которые в подавляющем большинстве и при царской власти, и при советской, и при постсоветской воспринимали законодательство, исходящее от государства, как чужеродный элемент, искусственно имплантированный в их национальную культуру. Жизнь в этом регионе преимущественно строилась (и продолжает строиться) на основе обычаев, а не права.

Между нормой поведения и нормой права существуют прямые и обратные связи. Например, правовой обычай (главный источник права в Древнем мире и в эпоху средневековья) мог возникнуть только после появления соответствующей нормы поведения. Правовой обычай – это и есть правило поведения, ставшее привычным в результате его многократного повторения. Для правового обычая норма фактического поведения – основа, без которой данный источник права просто не возникнет. Появление правового обычая есть лишь юридическое оформление нормы фактического поведения.

Сложнее обстоит дело с судебным прецедентом. Государство, переводя обычай в разряд права, проводит, конечно, определенную селекцию, внося тем самым в процесс правообразования известную целенаправленность. Однако в этом случае целенаправленность власти минимальна, власть лишь фиксирует уже сложившуюся норму в качестве правовой. При создании судебного прецедента от государства требуется нечто большее – найти и сформулировать норму, которая не приобрела еще значения обычая, но уже воспринимается как некий стереотип поведения. Е. Эрлих называл такие нормы “живым правом”.

Дальше всего норма фактического поведения находится от нормативно-правового акта. За последние 200 лет нормативно-правовой акт, заметно потеснив другие источники права, стал играть ведущую роль в механизме правового регулирования. Даже в странах англосаксонской правовой семьи нормативно-правовой акт вступил в серьезную конкуренцию с прецедентом. Главное преимущество нормативно-правового акта состоит в том, что он позволяет власти наиболее полно и точно выразить свою волю. Вместе с тем воля государства, облеченная в нормативно-правовой акт, зачастую либо не учитывает фактических норм поведения, либо прямо им противостоит, борется с ними. Конфликт нормативно-правового акта и норм фактического поведения, по существу, означает противоборство общества и власти, что иногда может закончиться социальными потрясениями. В этом случае государство, руководствуясь инстинктом самосохранения, вынуждено будет обратиться к нормам фактического поведения масс как основе будущего правотворчества.

3. Сторонники естественно-правовой и социолого-правовой школ иногда смотрят на позитивное право несколько свысока, подчеркивая его вторичность перед нормами естественного права или нормами фактического поведения.

Считается, что позитивное право не обладает собственной природой, поскольку выражает и оформляет волю государства. Парадоксально, но классики юридического позитивизма (начиная с Дж. Остина), стремясь вывести на первый план связь права с государством, тем самым создавали предпосылки для пренебрежительного отношения к позитивному праву в будущем. Действительно, если делать упор на главенствующую роль государства в правотворческом процессе, то ценность позитивного права в сравнении с ценностью государства заметно снижается. Государство здесь предстает как субстанция, а право – как его функция.

Между тем значение и роль (а значит, и ценность) позитивного права являются весьма существенными. Во-первых, позитивное право есть тот непосредственный эмпирический уровень, на котором человек встречается с правом как внешней принудительной системой. Можно сколь угодно говорить о том, что право существует в виде нормы сознания или нормы фактического поведения, но норма как факт внешней принудительной силы исходит именно от позитивного права. Можно сколь угодно доказывать, что суть права – это идея должного, идея свободы, идея самоценности личности и ее прав, но в истории человечества право всегда предстало и продолжает представлять в виде жесткого, принудительного нормативного порядка, за нарушение которого карает государство. Пренебречь этой эмпирической данностью означает оказаться в плену грез и фантазий. Ведь именно позитивное право дает нам более или менее достоверное представление о праве как социальном феномене. Без существования позитивного права говорить о праве было бы нелепо. В известном смысле тезис о существовании права до государства или вне государства – фикция, направленная на достижение отчасти эвристических, отчасти идеологических целей.

Во-вторых, глубоко прав Кельзен, утверждая, что государство и позитивное право представляют собой две стороны единого принудительного нормативного порядка. В умозрительном плане можно, конечно, разделить государство и право на две относительно автономные составляющие, но в жизни позитивное право и государство связаны тысячами невидимых и видимых нитей. Позитивное право – не просто воля государства: благодаря позитивному праву организуется и включается весь передаточный механизм государственной власти. Государство и позитивное право равноценны в том смысле, что оба

они в решающей степени влияют на установление принудительного централизованного правового порядка.

В-третьих, позитивное право фиксирует, формализует и объективирует идеальные ценности и нормы. Юридические нормы закрепляют опыт поколений, благодаря которому формируется правовая культура, соединяющая поколения людей в единую историческую общность – народ. В источниках позитивного права концентрируются представления народа о добре и зле, прекрасном и безобразном, должном и недолжном.

В-четвертых, позитивное право, встраивая человека в мир юридических категорий, формализуя общественное сознание и общественные отношения, вносит в них строгость и трезвый расчет. Конечно, юридизация человека привела (особенно на Западе) к установлению сухих, подчас бездушных, граничащих с жестокостью отношений. Но недостаток юридического формализма нередко оборачивается другой крайностью – переизбытком в отношениях между людьми лживого морализирования и эмоциональности, что провоцирует агрессию и стремление решать конфликты с помощью насилия.

И наконец, в-пятых, ценность позитивного права заключена в его воспитательной функции, о чем красноречиво писал И.А. Ильин: «Положительное право берет на себя элементарную и сравнительно грубую задачу – приучить человека извне к первичному, внешнему, регулированному самоограничению; для этого оно обращается к идее социально организованного внешнего авторитета, уполномоченного и подчиненного правилам. Необходимо, чтобы люди приучились признавать сначала хотя бы этот внешний авторитет и его правовые веления; необходимо, чтобы хищник и насильник встретили извне организованное и импонирующее сопротивление, основанное на идее правоты и полномочия. Сознательное, принципиальное указание на то, что “это недопустимо”, а “это обязательно”, сделанное человеком человеку с чувством правоты и духовного достоинства и поддержанное организованным решением “не допустить” и “настоять”, есть поистине одно из самых могучих средств социального воспитания»¹⁵.

Право как эстетическая ценность. Эстетика изучает эмоционально образное восприятие человеком мира, а само эстетическое сознание обращено к форме, образу вещей. Однако, несмотря на свой подчеркнуто формальный характер,

эстетика теснейшим образом связана с этикой и в конечном счете с онтологией, что дает нам дополнительную возможность рассмотреть предметы в их существе.

Право как всякая вещь объективного мира также имеет свою эстетику, указывающую нам на природу права. Эстетика права многомерна, как многомерно само право, существующее, как минимум, в трех измерениях: в сознании, в поведении, в источниках позитивного права. Эстетические образы формируются, отталкиваясь как от норм позитивного права, так и от практики их применения. При всем колоссальном различии правовых культур мира есть эстетические черты, присущие им всем: формализм, официальность, отчужденность. Лучше всего эстетику права передает юридический язык. Сравните, например, строфы из лирики А.С. Пушкина и текст протокола допроса следователя прокуратуры об убийстве, совершенном с особой жестокостью. Возникает ощущение двух реальностей, разделенных пропастью. Если язык Пушкина говорит нам о прекрасном (наподобие платоновского мира идей), то протокол допроса обращает к реальности абсолютного зла.

Язык протокола допроса или приговора суда, где механически точно излагается процесс убийства, изнасилования или разбоя, создает двойное впечатление: с одной стороны, возникает ощущение обыденности и даже банальности, с другой – эта обыденность приобретает характер фантазмагии, фантастической реальности, поскольку очевидно, что убийство, изнасилование или разбой противоречат базовым нормам человеческой культуры. Эстетика протокола судебного заседания, например, зачастую воспринимается как мир абсурда, способного перевернуть представление о жизни. В этом смысле эстетика юридических документов существенно расширяет наше понимание ценностных ориентиров. Текст приговора суда по своей этико-эстетической концентрированности вполне может конкурировать с романом Достоевского или по-другому: из приговора суда и с его эстетической экспрессией вполне может вырасти роман в духе Достоевского. Ведь известно, что сочинения Достоевского, их стилистика – во многом результат газетной криминальной хроники (роман “Бесы”, например, написан на основе материала судебного процесса над крайним радикалом С.Г. Нечаевым).

В XX в. язык права особенно сильно повлиял на искусство. Так, В. Шаламов, советский политзаключенный с многолетним стажем, отмечал, что после практики нацистских и советских концла-

¹⁵ Ильин И.А. Собр. соч. В 10-ти т. Т. 4. М., 1994. С. 202.

герей, после практики организованного террора эстетика Пушкина местами выглядит вычурной, слишком легковесной, далекой от жизни. В своих “Колымских рассказах” Шаламов предпринял попытку перенести эстетику судебно-следственных документов времен сталинизма в литературу, максимально сблизив эти две сферы. Рассказы Шаламова по своей эстетике близки протоколам допроса, они так же документальны, как материалы уголовного дела. Здесь документальность становится художественным методом, благодаря которому создается литературный шедевр.

Другой пример – так называемый “блатной фольклор”, который прочно вошел в массовое сознание в виде соответствующей лексики, разного рода пословиц, поговорок, песен. В нашей стране, где миллионы людей (и при Сталине, и позже) прошли через советский лагерь, эстетика уголовного мира имела огромное влияние на все сферы общественной жизни. Понятно, что эстетика лагерной жизни и эстетика права – разные вещи, но они тесно взаимосвязаны. Широкая популярность песен с блатной тематикой, воспроизводящих эстетику преступного мира, лагерной жизни, есть не что иное, как преобразованное отражение эстетики права. Эстетика права, возвращенная на ниве репрессивной практики правоохранительных органов, возвращается к нам в виде лагерной песни. “Блатной фольклор” – обратная сторона, нелицеприятная изнанка эстетики официального права.

Эстетика способна либо повысить наше представление о жизни, либо снизить его. Один из эффектов юридических документов – эффект снижения представлений о человеческих отношениях. Так, убийство, описанное в романах Достоевского или Толстого, воспринимается как высокая трагедия, в тексте закона убийство – обыденность, наводящая скуку. Бракосочетание – вежа для людей, знак судьбы и т.п., в законе – это сухое описание процедуры. Особое мастерство в умении снижать человеческие отношения, используя эстетику права, проявил Н.В. Гоголь. Как верно было замечено еще в начале XX в. (Д.С. Мережковский, В.В. Розанов), в творческом мире Гоголя господствует идея зла, его персонажи – по преимуществу “свиные рыла”, лишь отдаленно напоминающие человека. Язык права, введенный автором в речь героев, оказывается на уровне их животных инстинктов. Персонаж Гоголя, прибегающий к аргументам права, выглядит не просто нелепо. Его образ вызывает отвращение, и язык права только усиливает это впечатление. Вот известное место из сочинения Гоголя “Повесть

о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”: “Просит дворянин Миргородского повета Иван, Никифоров сын, Довгочун, а о чем, тому следуют пункты:

1) По ненавистной злобе своей и явному недоброжелательству, называющий себя дворянином, Иван, Иванов сын, Перерепенко, всякие пакости, убытки и иные ехидненные и в ужас приводящие поступки мне чинит и вчерашнего дня пополудни, как разбойник и тать, с топорами, пилами, долотами и иными слесарными орудиями, забрался ночью в мой двор и в находящийся в оном мой же собственный хлев, собственноручно и поносным образом его изрубил. На что, с моей стороны, я не подавал никакой причины к столь противозаконному и разбойническому поступку.

2) Оный же дворянин Перерепенко имеет посягательство на самую жизнь мою и до 7-го числа прошлого месяца, содержа втайне сие намерение, пришел ко мне и начал дружеским и хитрым образом выпрашивать у меня ружье, находившееся в моей комнате, и предлагал мне за него, с свойственною ему скупостью, многие негодные вещи, как-то: свинью бурую и две мерки овса. Но, предугадывая тогда же преступное его намерение, я всячески старался от оного уклонить его; но оный мошенник и подлец, Иван, Иванов сын, Перерепенко, выбрал меня мужицким образом и питает ко мне с того времени вражду неприимую. Притом же оный, часто поминаемый, неистовый дворянин и разбойник, Иван, Иванов сын, Перерепенко, и происхождения весьма поносного: его сестра была известная всему свету потаскуха и ушла за егерскою ротою, стоявшею назад тому пять лет в Миргороде; а мужа своего записала в крестьяне. Отец и мать его тоже были пребеззаконные люди, и оба были невообразимые пьяницы. Упоминаемый же дворянин и разбойник Перерепенко своими скотоподобными и порицания достойными поступками превзошел всю свою родню и под видом благочестия делает самые соблазнительные дела: постов не содержит, ибо накануне Филипповки сей богоотступник купил барана и на другой день велел резать своей беззаконной девке Гапке, оговариваясь, аки бы ему нужно было под тот час сало на каганцы и свечи.

Посему прошу оного дворянина, яко разбойника, святотатца, мошенника, уличенного уже в воровстве и грабительстве, в кандалы заковать и в тюрьму, или государственный острог, препроводить, и там уже, по усмотрению, лиша чинов и дворянства, добре барбарами шмаровать и в Сибирь на каторгу по надобности заточить; прото-

ры, убытки велеть ему заплатить и по сему моему прошению решение учинить. – К сему прошению руку приложил дворянин Миргородского повета Иван, Никифоров сын, Довгочун”¹⁶.

Данный текст стоило привести целиком, чтобы напомнить весь колорит гоголевской эстетики, где право становится ее неотъемлемой частью. Казалось бы, человек, обращающийся в суд за защитой своего нарушенного права, должен производить впечатление законопослушного гражданина, поддерживающего своим поведением не только правовые, но и моральные устои общества. Внешне дело выглядит так, будто миргородский дворянин Довгочун являет собой образец добродетели, уважая суд и власть, издающих законы. Но Гоголь убедительно показывает, что за личной законопослушностью обывателя кроется убогий, неразвитый в нравственном отношении человек, который рассматривает право в качестве способа унижения оппонента, как средство расправы с ним. В этом юридическом документе обнажается сущность его подателя, здесь эстетика права (а значит, и само право) предстает как проявление человеческого зла.

Профессия юриста (как и профессия врача) имеет дело с теневой стороной жизни человека, с теми событиями его личной жизни, которые он хотел бы скрыть, спрятать от окружающих. Право сухим, формальным языком дает обстоятельную характеристику этому миру личной жизни человека, как правило, – безобразного, крайне неудобного, вызывающего желание его отвергнуть. Но отвергнуть этот мир нельзя, как нельзя отвергнуть свою собственную природу. Эстетика права есть, как правило, негативная эстетика человеческого мира, эстетика неприглядных явлений, эстетика низкого и безобразного (в этом Гоголь абсолютно прав). Так, в основе эстетики Уголовного кодекса лежит предельный натурализм, предельная откровенность и, следовательно, честность. В категориях уголовного права нам говорится правда о человеке и обществе, в котором ты живешь. Если хочешь узнать теневую, а значит, правдивую сторону жизни людей, общества, посмотри уголовное законодательство. В условиях всякой официальной культуры, всегда в большей или меньшей мере тяготеющей к ханжеству, уголовное законодательство говорит правду о человеке. Эстетика судебных процессов – также правда о человеке, тяжелая, часто потрясающая своим безобразием, но правда.

Эстетику права отчасти можно сравнить с эстетикой разлагающегося трупа (в искусстве – весьма распространенное явление). Например, на страницах Уголовного кодекса вырастает образ человека, способного на любое преступление. Читая Уголовный кодекс, возникает ощущение, что ты живешь в обществе подонков. Текст Уголовного кодекса простым, доступным языком говорит нам, что так называемый средний человек, обыватель – материализованное зло, и это зло совершенно буднично распространено среди нас, зло – естественная среда нашего обитания.

Гражданский кодекс рождает образ законченного эгоиста, который руководствуется исключительно корыстными интересами. Создается впечатление, что речь идет о человеке, который все свои усилия прилагает к тому, чтобы удовлетворить свой ненасытный интерес, а нормы гражданского права лишь определяют русло этого эгоизма. Эстетика Семейного кодекса рисует нам картину семьи, где муж и жена, родители и дети, внуки и бабушки с дедушками либо ведут скрытую или открытую войну, либо готовятся к ней. Семейные связи, говорит нам Кодекс, – это отношения, за которыми стоит необузданный человеческий эгоизм. Читая Семейный кодекс, так и видишь мужа, уклоняющегося от уплаты алиментов; мать-алкоголичку, забывшую про своих детей; детей, не считающих нужным помогать своим родителям; брачных аферистов, обманывающих доверчивых женщин и мужчин; женщин, стремящихся с помощью серии экспертиз установить отцовство их ребенка.

Иными словами, эстетика права создает у читателя образ крайне неблагополучного мира – мира, где нет места высоким чувствам, красивым поступкам, гармоничным отношениям. Мир, рисуемый кодексами, уродлив, жалок, вызывает отвращение или, как сказал французский философ-экзистенциалист Ж.П. Сартр в отношении буржуазного общества, – тошноту. Герой романа “Тошнота” постоянно испытывает тошноту, прикасаясь с миром так называемых цивилизованных людей, с его условностью и формализмом. Примерно то же впечатление могут вызывать право и практика его применения.

На фоне Уголовного, Гражданского или Семейного кодексов, вызывающих, как правило, негативное эстетическое восприятие, конституционное законодательство производит обратное впечатление. Конституция как всякий идеал несет в себе энергию оптимизма, заряжает нас бодростью и верой в лучшее будущее. По про-

¹⁶ Гоголь Н.В. Собр. соч. В 9-ти т. Т. 1–2. М., 1994. С. 379–380.

чении, например, Конституции СССР 1936 г. (“сталинской”) у кого-то может возникнуть ощущение бесцельно прожитой жизни, так как не удалось пожить в этой замечательной, сказочно прекрасной стране. Или взглянем на Конституцию РФ 1993 г.: граждане Российской Федерации живут в стране, где торжествуют демократия и правовое государство, расцвела дружба народов в форме полнокровной федерации, права

и свободы человека являются высшей ценностью. Есть в Конституции и отражение борьбы сил добра и зла: например, конфликт парламента и президента, президента и правительства, но на этот случай есть соответствующие процедуры, которые опять-таки внушают оптимизм. Следует подчеркнуть, что такая трактовка Конституции – не ирония, но лишь эстетическое ее восприятие.